

РИЧАРД
ХАЛЛ

Ричард Халл (настоящее имя – Ричард Генри Сэмпсон, 1896–1973) – один из классиков «золотого века английского детектива», член легендарного Детективного клуба. Хотя иронические детективы автора, пользовавшиеся успехом при его жизни, впоследствии были незаслуженно забыты, в наши дни они переживают второе рождение.

РИЧАРД
ХАЛЛ

БЛАГИЕ
НАМЕРЕНИЯ

МОЙ УБИЙЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х17

Серия «Золотой век английского детектива»

Richard Hull
EXCELLENT INTENTIONS
MY OWN MURDERER

Перевод с английского
А. Андреева («Благие намерения»),
Е. Абаевой («Мой убийца»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
United Agents LLP и The Van Lear Agency LLC.

Халл, Ричард.

Х17 Благие намерения. Мой убийца : [сборник] / Ричард Халл ; [пер. с англ. А. Андреева, Е. Абаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-096827-5

Генри Каргейт нажил так много врагов, что, когда его убили, все сочувствовали не столько жертве, сколько убийце. Однако закон есть закон — и преступник оказывается на скамье подсудимых. Но кто этот несчастный, мы не имеем понятия, — дворецкий или секретарша, садовник или викарий? Убийца остается неизвестным до самой развязки, пока мудрый судья Смит не поставит в деле Каргейта точку..

Близкие миллионера Алана Ренвика, в порыве ярости убившего слугу-шантажиста, разработали сложный план, чтобы помочь ему избежать правосудия. Однако имитация самоубийства закончилась реальной гибелью Ренвика — и это был отнюдь не суицид и не несчастный случай, а настоящее преступление. Инспектор Вестхолл, ведущий расследование, понимает: кто-то из тех, кто якобы пытался спасти Алана, в действительности хотел от него избавиться. Но кто? Замужняя любовница? Адвокат? Лучшая подруга?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© R H P Goodwin

 Школа перевода В. Баканова, 2017

ISBN 978-5-17-096827-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

БЛАГИЕ
НАМЕРЕНИЯ

Часть I

ОБВИНЕНИЕ

— С соизволения вашей светлости! Господа присяжные заседатели! — Анструтер Блэйтон встал и по старой привычке зачем-то придирчиво поправил лежащие перед ним бумаги. Он знал, что в свои пятьдесят два сравнительно молод для роли государственного обвинителя по делу, вызвавшему значительный интерес общественности. Хотя Блэйтон уже считался ведущим королевским адвокатом судебного округа, упускать представившийся шанс он не хотел.

Надо быть справедливым — только безупречной объективностью можно добиться максимального результата, — но эффективным и решительным.

Он твердо намеревался показать миру, что он если и не новая звезда на небосводе юриспруденции, то, безусловно, выдающийся представитель яркой плеяды. А если в итоге осужденному грозит виселица — что ж, не его вина. Заранее думать о последствиях должен человек, замышляющий убийство, а не прокурор.

Блэйтон повернулся и посмотрел прямо на судью. Судья Смит обладал репутацией человека решительного и умеющего убедить присяжных принять его точку зрения. Ходили слухи, что он выходит в отставку. По мнению Блэйтона, об этом стоило пожалеть.

Сэр Трефузис Смит — компетентный судья, а компетентного судью не так просто найти — несмотря на кругленькие суммы, которые светят действительно успешным законникам, каковым намеревался стать и Блэйтон.

Возможно, в своих рассуждениях Анструтер Блэйтон был немного высокомерен, а в планах — чересчур поспешен. Пока что от своей цели он был весьма далек — его светлости не нравились манеры представителя обвинения. Сэр Трефузис Смит за время своей долгой судейской карьеры видел Блэйтона нечасто и никогда не интересовался, что за человек стоит перед ним. Сейчас следовало к нему приглядеться, и судья почувствовал неприязнь к этому бодрому, пышущему здоровьем мужчине среднего роста, который явно пытался произвести впечатление; сэр Трефузис как на ладони видел намерения любого проходящего в суд. Он уже решил для себя, что этот процесс станет для него последним, и хотел уйти, подобно Фальстафу: мирно, но уж точно без бормотания о зеленых полях.

Однако складывающаяся ситуация, похоже, не позволяла надеяться на подобный занавес. Говорили, что дело совсем несложное, практически нет сомнений в обвинительном вердикте, и судья даже жалел, что не попало дело посложнее, чтобы блеснуть недюжинными талантами.

Судья не имеет права на предвзятость; тем более он не имеет права каким-то образом формировать свое мнение, прежде чем дело поступит в суд. Сию азбучную истину сэр Трефузис часто повторял присяжным и обычно с величайшей скрупулезностью воплощал этот принцип на практике. Только по несчастной

случайности до него дошли некоторые детали расследования. Судье надлежит превратить свой мозг в беспристрастный чистый лист. Ему должно знать лишь то, что скажут стороны, и сэр Трефузис приготовился слушать с невозмутимостью сфинкса.

— С позволения вашей светлости! Господа присяжные! В пятницу тринадцатого июля — какое несчастливое сочетание! — Ланселот Генри Катберт Каргейт умер в вагоне поезда между станциями Ларкингфилд и Грейт-Барвик, на границе Эссекса и Саффолка, примерно в одиннадцать пятьдесят семь утра. В четверг девятого августа был произведен арест, — театральным жестом, грозящим разбудить дремлющее предубеждение судьи Смита, обвинитель протянул руку и елейным голосом назвал полное имя обитателя скамьи подсудимых, — арест по обвинению в преднамеренном убийстве с применением яда, и это обвинение вам предстоит рассмотреть. Моя задача — с помощью моего ученого коллеги, мистера Найта, представить дело с точки зрения обвинения; защита находится в руках моих ученых коллег мистера Вернона и мистера Оливера.

Анструтер Блэйтон поправил мантию на плечах. Теперь, подобрав нужный тон звучного бархатного голоса, пора впечатлить присяжных, явив слово мудрости и добавив, разумеется, немного лести.

— Господа присяжные, я знаю, что вы уделите пристальное и неусыпное внимание этому делу, — не только из-за его необычной сложности, не только из-за того, что убийство является тяжелейшим обвинением с точки зрения закона, но и по самой природе доказательств, на основании которых вам предстоит принимать решение.

Блэйтон замолчал. Присяжные, конечно, почувствовали себя спокойнее и увереннее, зато сэр Трефузис беспокойно поерзал в кресле. За свою жизнь он наслушался банальностей, и Блэйтон, на его взгляд, излагал самые избитые. Возможно, снисходительно подумал судья, он нервничает, хотя по виду и не скажешь. Пусть продолжает говорить, не стоит понапрасну дергать обвинителя, не то собьется. Сэр Трефузис лишь позволил себе незаметно сморщить маленький римский нос — стало легче, и можно было слушать дальше.

Впрочем, Блэйтон не обращал сейчас внимания на судью. Он полностью сосредоточился на присяжных.

— Убийство с помощью яда происходит не у всех на виду, не на глазах у почтенной публики. Оно почти всегда совершается тайно, и потому доказательствами в таких делах являются косвенные улики, а не свидетельства очевидцев. Так и в нашем деле. Поскольку, когда Ланселот Генри Катберт Каргейт...

— Не хотелось бы прерывать вас, мистер Блэйтон, но могли бы мы впредь именовать несчастного покойного джентльмена пусть с меньшей точностью, зато с большей лаконичностью? Я уверен, что присяжные сумеют вас понять.

— Разумеется, милорд, он был известен как Генри Каргейт.

— Вот и хорошо. Присяжные учтут, что под именем Генри Каргейт вы подразумеваете Ланселота Генри Катберта Каргейта. На практике вполне достаточно будет даже описания «покойный». Пожалуйста, продолжайте, мистер Блэйтон.

На мгновение обвинитель словно позабыл, на чем остановился. Потом взял себя в руки и продолжил,

стараясь простить и забыть, как было уничтожено одно из его лучших словосочетаний.

— ...Поскольку, когда Генри Каргейт умер в поезде, отравителя даже не было рядом. Вообще говоря, мистер Каргейт редко обращался к услугам железнодорожной компании. Для подобных путешествий он обычно брал машину, и преступнику следовало сообразить, что он мог умереть за рулем автомобиля. Такой оборот мог подвергнуть опасности жизнь людей, никак не связанных с покойным и его окружением.

Эти слова вызвали возмущение на скамье подсудимых. Как бы там ни было, но уж вот это — ложь! Одно дело — Каргейт, почти у всех были причины убить его, и совсем другое — безответственное и преступное пренебрежение жизнями посторонних. Этот румяный вычурный болтун не имеет права навязывать предвзятое мнение.

— Господа присяжные, я намереваюсь показать, что было совершено особо безнравственное преступление — позднее, когда мы будем обсуждать мотивы. А сейчас вернемся к самому преступлению. Так случилось, что в момент смерти Генри Каргейта свидетель все-таки присутствовал, и вашему вниманию будет предложено описание происходивших тогда событий. Не окажись у окна в коридоре вагона в критический момент мистер Харди, обладающий, позвольте сказать, присутствием духа, и не прояви гражданскую ответственность и профессионализм работники Лондонской и Северо-Восточной железной дороги, это преступление никогда не было бы раскрыто. И мистер Харди поведает вам...

Мистер Харди воистину горел желанием поведать. Он желал бы описать совершенно потрясающее событие гораздо подробнее, чем, похоже, дозволено в суде. Зато его друзьям, уж будьте уверены, придется выслушивать полный рассказ — и с каждым годом все полнее.

Не то чтобы Харди был так глуп, чтобы считать это событие главным в жизни. Куда более значительную роль для него сыграла, пожалуй, постройка новой печи, в которой он вот уже десять лет пек хлеб для жителей деревни Скотни-Энд — с тех самых пор, как старый Смит решил, что в девяносто два ему пора отойти от дел. Печь вышла прекрасная и давала приличный доход, вдобавок к сельскому магазинчику и почтовому отделению, которыми тоже заправлял Харди.

Но пятница 13 июля еще задолго до ее наступления стала важным днем для Харди, потому что в этот день он собирался впервые за много лет навестить сестру, которая, выйдя замуж, переселилась в дальние края — в Грейт-Барвик. Это была очень серьезная поездка; предстояло не только добраться до Ларкингфилда — уже пять миль, — но и отправиться отсюда по железной дороге. Собственно, ехать нужно до следующей станции, но если по пальцам можешь перечесть те случаи, когда отваживался на такие авантюры, как путешествие по железной дороге, к подобному приключению не станешь относиться легкомысленно.

Разумеется, Харди прибыл на станцию на полчаса раньше времени. Мало ли что придумают железнодорожные компании! В Скотни-Энде говорили, что единственный утренний поезд всегда приходит вовремя, однако Харди предпочел не рисковать. Не ча-

сто он позволял себе свободный день, и, пойдя что не так, в другой раз случай может представиться только через несколько лет. Таким образом, Харди во всех подробностях видел появление мистера Каргейта на станции Ларкингфилд.

Харди, разумеется, прекрасно знал, кто такой мистер Каргейт. Да и кому в округе не был известен новый хозяин Скотни-Энд-холла! Впрочем, мистер Каргейт — к великому сожалению Харди — получал все, что мог, из Лондона; даже хлеб, какой-то особый, присылали в жестянках, поскольку мистер Каргейт страдал нарушениями пищеварения. Но в усадьбе были и другие жители, которым требовалось поставлять продукты: мисс Нокс Форстер, невзрачная, средних лет секретарша, дворецкий мистер Рейкс и еще полдюжины слуг. По поводу незамужней секретарши в поселке сперва разгорелись страсти, но стоило только взглянуть на мисс Нокс Форстер, как волнения улеглись. Эта женщина явно могла за себя постоять и конечно, была скорее компетентной, нежели привлекательной.

И все-таки в Скотни-Энде мало интересовались новым владельцем усадьбы. Каргейт был пришлым, из Лондона, не то что прежний сквайр, и даже не пытался наладить отношения с местными, хотя, похоже, наводил справки о поселке и делах прихода. Впрочем, его настырность только возмущала викария, который, пожалуй, не зря невлюбил главного прихожанина — тот воспринимал церковь исключительно как шедевр архитектуры и открыто заявлял о своем атеизме. Ходили даже слухи, что Каргейт подумывает снести ризницу, дабы проверить, нет ли под ней остатков языческого храма — римского или еще какого.

Харди соглашался с викарием и деревенскими жителями по причинам более житейским. Каргейта явно не интересовала жизнь Скотни-Энда. Хорошо, конечно, заниматься своим делом — и Харди, и прочие жители Скотни-Энда единодушно признавали такую привычку полезной, — но все соглашались, что Каргейт в этом переусердствовал.

Однако утром пятницы 13 июля от природы любознательный Харди лишь удивился, с какой стати Каргейт вообще решил ехать поездом. Обычно он уезжал и приезжал в деревню на большом и стремительном «Бентли», который сам водил на скорости, совсем неподходящей для окрестных дорог. Ладно еще на шоссе к Грейт-Барвику, но нельзя мчать по участкам вроде моста через ручей у фермы Херста — там слепой поворот, а посреди дороги обязательно торчит корова.

Впрочем, это к делу не относится. Мистер Каргейт выбрался из «Остина», видимо взятого напрокат в Ларкингфилде, и Харди сразу пришел к выводу, что «Бентли» не в порядке. Что-то было не в порядке и с настроением самого мистера Каргейта. Он сердито постукивал зонтиком в плитки перрона и поглядывал на часы. Потом, заметив начальника станции, поздравил его:

— Послушайте, любезный, сколько мне придется ждать этот чертов поезд?

— Появится через две минуты, сэр. Мы увидим, как он выезжает из-за леса, буквально...

— Поезд уже опаздывает на две минуты. Не представляю, что творится с железными дорогами! Немудрено, что поездами не ездят!

Харди слушал, замерев. Никогда ему не приходилось видеть, чтобы с Гарри Бенсоном, имевшем в качестве начальника станции вес в местном обществе, разговаривали таким тоном. Харди пытался представить, как поступит Бенсон... и был немного разочарован. Когда Каргейт отвернулся, Бенсон лишь молча пожал плечами.

Каргейт прошел несколько шагов по перрону в ту сторону, откуда должен был появиться состав, видимо решив, что подобным маневром ускорит прибытие поезда. Когда он достал из кармана золотого цвета коробочку, немного потолще портсигара, что-то сверкнуло на крышке — по крайней мере, так отметил про себя Харди (который оказался совсем неподалеку). Открыв крышку, Каргейт насыпал на большой палец левой руки столько светло-коричневого порошка, сколько поместилось, причем несколько крупинок просыпалось на перрон. Харди, сам не употреблявший, все же понял, что это, должно быть, нюхательный табак. Ему захотелось рассмотреть все в подробностях, и он бессознательно двинулся вперед.

В результате носильщику, толкавшему по перрону тележку с багажом Каргейта, пришлось принять в сторону, и он чуть задел левую руку и без того раздраженного Каргейта, подносившего табак к носу. Легкого касания оказалось достаточно, чтобы весь светло-коричневый порошок просыпался на перрон. Каргейт взорвался:

— Да ты что творишь, неуклюжий чурбан! Ради бога, возвращайся присматривать за свиньями, оно тебе сподручнее.

— Простите, сэр, вы сами на меня наткнулись.